

БЛЕСК И НИЩЕТА РОБЕРТА ДЖЕЙМСА ФИШЕРА

В 1972 г. в первый и пока, увы, единственный раз звание чемпиона мира по шахматам завоевал представитель Соединенных Штатов Америки Роберт Джеймс Фишер.

Многие годы не везло в этом смысле американским шахматам. Фатально не везло.

Еще примерно за сто лет до Фишера, с поразительной легкостью побеждая всех на своем пути, пронесся по Европе и Америке сокрушительным смерчем уроженец Нью-Орлеана Пол Морфи. Но не

существовало еще тогда звания «Чемпион мира по шахматам», и не осталось его имени в официальном списке сильнейших за все годы.

В конце прошлого века все шансы стать чемпионом мира имел американец Гарри Пилсбери. Но, щедро и разнообразно одаренный, он не желал ничем жертвовать для достижения даже такой заманчивой цели. Пил вино, увлекался женщинами, не вылезал из игорных клубов, поражал современников невероятными для окружающих и губительными для собственного здоровья сеансами одновременной игры в шахматы вслепую. И умер в 32 года, и на четверть не реализовав отпущенных ему природой выдающихся способностей.

В 30-е годы XX столетия в число сильнейших в мире выдвинулись Робейн Файн и Самуэль Решевский. Файн быстро сошел со сцены, предпочтя капризной, неверной судьбе шахматного профессионала, стабильную и обеспеченную научную карьеру. А Решевский еще добрых два десятилетия продолжал бороться за мировое первенство, но был не в состоянии в одиночку одолеть советских шахматистов, а главное – советских шах-

матных функционеров, сомкнутыми рядами преградивших ему дорогу к трону.

Несколько лет назад в Санкт-Петербурге мне рассказывал Марк Тайманов, что на межзональном турнире в Стокгольме в 1952 году, где так блистательно «выстрелил» Котов, всем советским участникам было строго-настрого запрещено у Котова выигрывать.

В турнире претендентов 1953 года в Швейцарии советским гроссмейстерам было не рекомендовано выигрывать у главного фаворита Василия Смыслова. Поскольку победитель турнира становился претендентом и выходил непосредственно на чемпиона мира Михаила Ботвинника, им по жестко разработанному функционерами плану ни в коем случае не должен был стать иностранный шахматист. Сильнейшим гроссмейстером Запада в то время был как раз американец Решевский, и «советская баррикада» была построена персонально под него. На всякий случай Смыслова должен был подстраховать Давид Бронштейн. Замечательным гроссмейстерам вся эта «кухня» была омерзительна, но послушание грозило неисчислимыми бедами. Случилось так, что в партии со Смысловым Бронштейн получил чуть не решающее преимущество. «Эта партия должна закончиться вничью, – сказали ему перед доигрыванием. – Но в порядке компенсации вам проиграет Ефим Геллер».

Говорят, когда Геллер, осмелившийся по молодости не исполнить приказ начальства, выиграл партию у Бронштейна, у того случился сильнейший сердечный приступ. Геллер отделался легким испугом, потому что Смыслов все же взял первое место.

Неприятности Виктора Корчного в Советском Союзе, которые в конце концов вынудили его просить убежища на Западе, начались с его публичных разоблачений в связи с турниром претендентов на острове Кюрасао в 1962 году, где Петросян, Керес и Геллер пошли на сговор между собой.

Для того чтобы пала неприступная советская шахматная крепость нужно было появиться Роберту Джеймсу Фишеру.

Фишер – уникальное явление. То, что он сделал в шахматах, заслуживает самых высоких восторженных слов и восклицательных знаков.

В шесть лет он научился играть и уже в 12(!) участвовал в турнире мастеров. К 24 годам Фишер восьмикратный чемпион США. Никто до Фишера не становился гроссмейстером в 15 лет. Никто в истории до него не начинал уже в этом возрасте борьбу за мировую шахматную корону. Никто до него не имел такого высокого рейтинга. Никто и никогда не добивался в одном цикле борьбы за мировое первенство, встречаясь при этом с сильнейшими конкурентами, такого потрясающего превосходства – 85 процентов очков. Никто из иностранцев до него не смог пройти Сциллу и Харрибду советских шахмат. Никто до него не сделал так много для престижа, популярности шахмат, для морального и материального статуса профессиональных шахматистов. И никто так не огорчил своим уходом шахматный мир, как это сделал Роберт Фишер. Свой финишный бросок к трону Фишер начал с впечатляющей победы в межзональном турнире 1970 г. – 18,5 из 23!

Первым матчевым противником жребий определил ему амбициозного и оптимистичного Марка Тайманова. «Я слышал, – сказал Тайманов, выступая перед матчем по телевидению, – что многие болельщики заключают против меня крупные пари. Должен честно предупредить, что я могу их разорить».

6:0! Таков был ответ Фишера.

Позже Тайманов выразил уверенность, что вряд ли в ближайшее время кому-нибудь удастся сыграть с Фишером намного лучше, чем ему. Но совершенно другого мнения придерживался следующий соперник Фишера – датский гроссмейстер Бент Ларсен, который ряд лет не без основания считал, что именно он, Ларсен, а не Фишер или кто-то другой является сильнейшим шахматистом Запада.

6:0! Таким был второй ответ Фишера.

Эти две победы молодого американца произвели на шахматный мир впечатление разорвавшейся бомбы. И все-таки в прогнозах болельщиков перед следующим матчем Фишера (с Петросяном) не было единодушия. Даже в неудачных для «железного» Тиграна турнирах и матчах, которых у него было крайне мало, он проигрывал всего одну-две партии. «Петросян может проиграть матч Фишеру, – говорили и болельщики, и профессионалы, – но в любом случае это будет упорная борьба до последнего хода».

6,5:2,5! Таков был третий ответ Фишера.

В пяти партиях из девяти Петросян вынужден был сложить оружие: проиграл больше поединков, чем за три предыдущих года. От этого нокаута ему по-настоящему так никогда и не удалось оправиться.

Именно в этот момент я спросил у Корчного, хотел ли бы он сыграть матч с Фишером. Самолюбивейший из известных мне современных шахматистов, никогда вслух не признававшийся и даже в глубине души не считавший, что кто-то играет сильнее, чем он, ответил очень искренне и грустно: «Это счастье для любого. Но потерпеть такой разгром?! А кто может быть застрахован от этого, встречаясь с ним?».

Примерно в то же время я писал очерк о переехавшем еще до войны в СССР знаменитом чешском гроссмейстере Сало Флоре.

– Хорошо, если чемпионом мира станет Фишер, – сказал Флор, на секунду забыв, что подобные высказывания в Советском Союзе, свидетельствуя об отсутствии патриотизма, могут быть опасными.

– Для шахмат хорошо. И дело даже не в том, что он на самом деле играет сильнее всех в мире. Всем уже надоели бесконечные перемещения чемпионов, имеющих только советскую прописку. Интерес к шахматам в последнее время заметно упал, и лишь Фишер может встряхнуть это болото.

Так думал не один Флор. Интерес во всем мире к предстоящему матчу Фишера со Спасским не имел аналога в истории шахмат. Правда, в какой-то момент показалось, что этому матчу не суждено состояться. И если бы такое случилось, виноват в этом был бы тот, кто больше всех должен был к нему стремиться сам Фишер.

Несмотря на то, что с тех пор прошло уже более четверти века, мир не забыл, а организаторы и судьи, пожалуй, и не простили Фишеру его «гигантских усилий» по срыву матча.

Претендента не устраивало решительно все: и место матча, и время его проведения, и регламент, а главное – денежные призы... Какие только характеристики не давала Фишеру мировая пресса, особенно, естественно, советская!

«Скандалист, интриган, корыстолюбец, стяжатель, человеконенавистник, типичный продукт бездушной, основанной на чистогане американской системы».

Но легендарная неуступчивость Фишера была вызвана, прежде всего, тем, что он не мог смириться с приниженным, как ему казалось, положением шахмат и шахматистов. Лично ему, как показало будущее, деньги, в частности, не были так уж нужны, он даже не очень-то знал, на что их тратить. Но то, что боксер или футболист, теннисист или хоккеист получают сотни тысяч, даже миллионы, а шахматист по сравнению с ними какие-то жалкие крохи, казалось ему нестерпимым унижением шахмат.

Почему на филармоническом концерте или в театре все благоговейно молчат, а во время шахматного матча каждый зритель позволяет себе вслух обсуждать происходящее на сцене? Почему шахматиста, проделывающего за доской титаническую работу, требующего невероятного напряжения и сосредоточенности, можно посадить в неудобное кресло, повесить над ним тусклую лампу? Но была еще одна причина, уже сугубо личная, поразительной неговорчивости Фишера.

Для рядового обывателя поведение выдающихся людей не укладывается в общепринятые рамки и стандарты и поэтому непонятное окружающим очень часто представляется ненормальным. В какой-то мере оно и является ненормальным, хотя сами по себе понятия «нормально», «ненормально» достаточно субъективны и расплывчаты.

И вполне естественно, что неординарный (а тем более – великий) человек, всю жизнь сосредоточенный на решении проблем, недоступных простым смертным, сильно уступает этим же смертным в быту, в самых элементарных, рутинных вопросах и во многом другом.

В шахматах, в особенности на высшем уровне, где напряжение особенно велико, а конкуренция достигает своего апогея, где один неверный ход может зачеркнуть годы нечеловеческих трудов и усилий, где сама специфика борьбы заставляет видеть в каждом сопернике своего злейшего врага, «ненормальности, странности» возникают особенно часто.

Смыслов не делал ни шагу, не сверив его предварительно с расположением звезд на небе. Ботвинник отличался всю жизнь крайней, почти болезненной (впрочем, порой не без основания) подозрительностью к людям. Бенко, играя с Талем (этот при-

мер уже давно стал хрестоматийным) надел темные очки, непроницаемые, как он считал, против талевского гипноза. Корчной публично обвинил Геллера в том, что тот в партиях с ним гасил свои окурки в пепельнице Корчного и, сбивая последнего со счета выкуренных им сигарет, влиял, таким образом, на результат игры. Алехин многие партии играл с сиамским котом на коленях, всерьез усматривая в этом живом талисмানে, главный залог успеха... «Ненормальность» Фишера заключалась в том, что он патологически боялся проигрыша. Перед матчем со Спасским его страх достиг кульминации, и не без основания. К этому времени счет в их личных встречах был катастрофическим для Фишера: три поражения – и ни одной победы. Стремясь к матчу, он отлично понимал, что любые, пусть даже феноменальные успехи ничего не стоят без победы в матче над чемпионом мира. И, тем не менее, Фишер в глубине души, возможно, даже не отдавая себе в этом отчета, мечтал, чтобы матч не состоялся. По крайней мере, он все делал для этого, наивно полагая, что, отказавшись выполнить его, Фишера, фантастические условия, судьи, организаторы и сам Спасский, а не он, будут сочтены виновными в срыве матча.

Однако желание шахматного мира увидеть единоборство было так велико, что организаторы практически во всем пошли ему навстречу. И, вынужденный покориться обстоятельствам, переполненный неуверенностью и страхом, Фишер, начав все же матч, безвольно проиграл – практически без борьбы – первую же партию. Ни физических, ни моральных сил не нашел в себе насмерть перепуганный претендент, чтобы хотя бы явиться на вторую партию. Так счет в полном соответствии с правилами стал 2:0 в пользу чемпиона мира. В этот момент Спасский имел право уехать в Москву, как и требовало от него советское руководство. Он оставался чемпионом мира, и вряд ли кто-нибудь имел бы право упрекнуть его в этой ситуации. Но Спасский был абсолютно уверен в своей победе над деморализованным противником, к тому же обидно было существенно потерять в деньгах, не доведя до логического конца практически уже выигранный матч. Ко всему прочему, благородный человек, истинный джентльмен на шахматном Олимпе, Борис Спасский не хотел

пользоваться бедственным положением своего соперника, которого глубоко уважал.

То, что произошло в третьей партии, подробно описано в очерке о Спасском – перед ним предстал собранный, полностью сконцентрированный соперник. Возможно, эта партия и стала «ключиком» ко всему матчу. Фишер ее выиграл и в дальнейшем не оставил никаких шансов своему сопернику, находившемуся тогда в расцвете сил и в отличной форме. Выиграв матч со счетом 12,5:8,5, он стал одиннадцатым в истории шахмат и первым американским чемпионом мира. А потом наступили времена, чрезвычайно обидные для боготворивших Фишера миллионов шахматных болельщиков. Он отказался защищать свой титул и за двадцать лет не принял участия ни в одном соревновании, не сыграл ни одной официальной партии.

Страх проигрыша с каждым годом увеличивался, теперь-то ему было что терять. Беспредельная преданность шахматам, которым он отдавал все силы и время, помешали ему получить образование, выйти за уровень ребенка в познании и понимании окружающего мира, приобрести друзей, завести семью. Поначалу он верил и надеялся, что шахматный мир выполнит все его требования, приползет к нему на коленях. Молодые гроссмейстеры, в частности, Карпов, уверенные в своих силах, были готовы и хотели сразиться с ним, но, отнюдь, не на любых условиях. Жизнь, и шахматная тоже, текла рядом, проходила мимо него, а он гениальный шахматист, 11-й чемпион мира, не имел к ней никакого отношения. Его психика, болезненная и неустойчивая, все больше и больше теряла связь с реальностью. Неуступчивость мира по отношению к нему, свою изолированность, свое бедственное положение, наконец, свои денежные трудности он в своем воспаленном мозгу стал связывать с чьими-то происками, чьей-то злой волей. Он даже называл конкретных людей: Каспарова, Карпова, Корчного и... всеобщий еврейский заговор.

По-прежнему убежденный в своем безграничном превосходстве, он не заметил громадных изменений, происшедших за 20 лет в шахматах. Продолжая считать себя непобежденным, что формально соответствовало действительности, но главным образом потому, что он уклонялся от борьбы, Фишер согласился

сыграть серию партий, как бы матч-реванш, со своим старым соперником, совершенно растренированным, не входящим даже в первую сотню шахматистов мира Борисом Спасским. Матч этот Фишер выиграл, но далеко не так триумфально, как он это делал в свои лучшие годы, ни в смысле счета, ни с точки зрения качества партий. Недаром Каспаров назвал матч Фишера со Спасским матчем пенсионеров.

Последние годы Фишер, нарушивший запрет Госдепартамента США, запрещавший принимать участие в соревнованиях на территории бывшей Югославии, жил в Венгрии. Там он часто встречался, даже дружил со старейшим гроссмейстером мира Андре Лилиенталем, встречался иногда с сестрами Полгар (все, между прочим, евреи). Но в турнирах участия не принимал, серьезные партии не играл. Потом он перебрался в Японию, снова нарушал все мыслимые и немыслимые государственные установления и правила, затем уехал в Исландию. К концу жизни он все больше и больше терял разум, становясь неменяемым и недоступным для общения с окружающими. До конца жизни он считал себя единственным законным чемпионом мира.

Сравнительно недавно, когда Гарри Каспаров присутствовал на открытии в Москве шахматного клуба дипломатов, среди прочих ему был задан вопрос о Роберте Фишере. Вот что ответил тринадцатый чемпион мира.

– В прозвучавшем здесь вопросе мне немножко не нравится слово «самозванец» по отношению к Фишеру. Потому, что я вообще чемпионов мира рассматриваю в едином ряду, у них есть только номера. Человек завоевал свое звание, и мало кто сделал это так, как Фишер. Никаких контактов с Фишером у меня никогда не было. Наверное, никогда уже и не будет... Было обидно смотреть на матч Фишера со Спасским в 1992 году, поскольку для меня Фишер оставался шахматным героем 1972 года. Мне было 9 лет, у меня был I разряд, и тогда, естественно, игра Фишера – это было главное, о чем мы все говорили. Об этом говорили и гроссмейстеры, и начинающие шахматисты. В 1972 году в шахматах создалась такая красивая легенда. Легенда, не позволившая, к сожалению, шахматам сделать скачок в общественном сознании немедленно: Фишер не воспользовался этим. Пока есть

легенда – она может как бы давать новые толчки развитию шахмат, потому что она живет. Ее нельзя ни проверить, ни опровергнуть – она сама по себе. К сожалению, в 92-м году легенда умерла как таковая, потому что Фишер решил вернуться. Я не знаю, с чем это было связано, с финансовыми или другими проблемами, но вернулся Фишер нехорошо. Причем это «нехорошо» было двояким.

Во-первых, его появление совпало с достаточно сложным историческим моментом, и Фишер оказался на стороне, явно осужденной мировым сообществом. Он идентифицировал себя со взглядами и высказываниями, которые нормальный человек априори отвергает. Для многих людей западного мира – тех, кто плохо знаком с шахматами, но помнит о Фишере – его легенда получила первый такой половник, даже не ложку, дегтя.

Вторая проблема – качество партий. Хорошие партии, но... по меркам 1972 года. А на дворе был 92-й год. И я знаю реакцию молодых шахматистов. Глядя на эти партии, которые смотрелись уже анахронизмом, они удивлялись. Шахматная легенда перестала существовать для новых поколений. Похоже, Фишер сам это понял... Ему хотелось жить в шахматах, но формально в них ему уже не было места.

